

необходимость и закономерность развития Вооруженных сил Республики Беларусь, который служит образцом для военнослужащих в выборе ими поведенческих решений.

Воинский правопорядок – такое состояние регулируемых правом общественных отношений, связанных с исполнением военной службы, когда эти отношения соответствуют правовым предписаниям вследствие строгого и неукоснительного их исполнения.

Основан воинский правопорядок на сознательности и высокой организованности военнослужащих, на их глубокой убежденности в справедливости и целесообразности правил, установленных нормативными правовыми актами. Особенности его определяются специфическим характером общественных отношений, которые складываются в Вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях в связи с обеспечением военной безопасности государства.

Военная служба – особый вид государственной службы, где уклад жизни, быт и деятельность личного состава детально регламентированы, военнослужащие обладают специфическим статусом, реализация их прав обусловлена определенными ограничениями. На военнослужащих возлагается повышенная юридическая ответственность, а выполнение обязанности по защите отечества нередко связано с риском для жизни.

Составной частью воинского правопорядка является уставной порядок. Под последним понимается система отношений между военнослужащими, которая строится в строгом соответствии с предписаниями воинских уставов и наставлений.

Таким образом, воинский правопорядок – результат законности. Это, по существу, реализованная законность, проявляющаяся в системе урегулированных правом отношений. Основой правопорядка служит право, а условием его достижения – законность.

УДК 351.742(476)(091)(043.3)

А.И. Мурашко

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЖАНДАРМЕРИИ ЗАБАСТОВОЧНОМУ ДВИЖЕНИЮ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX в.

Революционные выступления железнодорожников в 1905 г. в России показали, что подразделения жандармской железнодорожной полиции практически не были готовы к массовому забастовочному движению. В циркуляре Отдельного корпуса жандармов от 8 ноября 1905 г. № 30 отмечалось, что в большинстве случаев беспорядки на железных дорогах произошли совершенно неожиданно для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог, почему ими и не могли быть своевременно приняты меры по их предотвращению.

В октябре 1905 г. были парализованы практически все железные дороги, проходящие по белорусским губерниям. В ноябре – декабре 1905 г. забастовки на Либаво-Роменской железной дороге продолжались с 8 по 30 декабря, на Московско-Брестской железной дороге – с 7 по 22 декабря, на Полесских железных дорогах – с 8 по 22 декабря, на Риго-Орловской железной дороге – с 24 ноября по 31 декабря, на Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороге – с 2 по 6 ноября, с 11 по 17 декабря.

Октябрьские и декабрьские события 1905 г. подтвердили необходимость разработки Департаментом полиции (ДП) и Штабом Отдельного корпуса жандармов (ШОКЖ) комплекса мер по предупреждению и пресечению забастовочного движения на железных дорогах.

ШОКЖ проанализировал забастовочное движение, выделив основные виды забастовок. На железных дорогах они подразделялись в зависимости от методов проведения на активные (прекращение работ из-за политических или социально-экономических требований) и пассивные (преднамеренное замедление железнодорожных работ). По району действия – на частичные (забастовки в отдельных службах, депо, мастерских и др.) и общие (на одной или нескольких железных дорогах).

В комплексе мер, разработанных ДП и ШОКЖ по борьбе с забастовочным движением, выделялось три основных направления – меры, принимаемые до возникновения забастовки, предупредительные; меры подавления забастовки и репрессивные, принимаемые после ее подавления.

К мерам по предупреждению забастовок со стороны жандармской железнодорожной полиции относились следующие: непосредственное нахождение офицеров и нижних чинов жандармской полиции на местах; усиление полицейского надзора за служащими и проживающими в порученном районе; расширение агентурной работы; профессиональная подготовка офицерами нижних чинов в плане изучения обязанностей и прав жандармских чинов во время забастовки, проверка начальствующими лицами знания самими офицерами этих обязанностей; организация периодических предварительных совещаний членов особых и местных комитетов для выработки мер по борьбе с внезапными забастовками и охраны важнейших стратегических сооружений.

Меры подавления забастовки включали восстановление прекратившегося движения; охрану железнодорожных сооружений и подвижного состава; подавление любого вооруженного сопротивления; арест лиц, проявляющих агитационную и другую активную деятельность в организации забастовки; ограждение лиц, не сочувствующих забастовке и желающих работать, а также членов их семей от насилия со стороны забастовщиков.

Репрессивные меры заключались в выявлении активных участников забастовки и преследовании их в соответствии с уголовным законодательством Российской империи.

Вся ответственность по водворению порядка при забастовке до передачи власти военному командованию возлагалась на жандармские полицейские управления железных дорог.

Для согласования действий между жандармской полицией, военным руководством, железнодорожной и местной гражданской администрацией по подавлению забастовок 14 декабря 1905 г. был издан высочайший указ «О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах». В соответствии с этим указом на местах образовывались особые комитеты по принятию чрезвычайных мер для охраны железных дорог. В состав комитетов входили представители железнодорожного, жандармского и военного ведомств с присвоением им почти одинаковых прав с властью генерал-губернатора при объявлении местности на положении усиленной охраны и с подчинением их на местах генерал-губернаторам.

При появлении первых признаков беспорядков на железных дорогах жандармская полиция должна была принять самые энергичные меры к их прекращению, не допуская развития последних до размеров, требующих привлечения значи-

тельной военной силы. От железнодорожной полиции требовалось обеспечение охраны наиболее важных объектов и сооружений дороги и подвижного состава. Необходимо было пресекать агитационную деятельность и насилие, арестовывать агитаторов, личными уговорами железнодорожников содействовать продолжению работ, организовывать совместно с железнодорожным руководством замещение должностей бастующих или арестованных лиц служащими с других дорог или мест.

Инициаторами большинства железнодорожных забастовок являлись рабочие депо и мастерских, служащие, телеграфисты и конторщики узловых и конечных пунктов железных дорог. Промежуточные станции лишь пассивно выполняли распоряжения первых. В связи с этим руководство ШОКЖ предписывало чинам жандармской полиции уделить особое внимание узловым станциям. При возникновении беспорядков необходимо было в первую очередь сконцентрировать там значительные части войск, сюда стягивались основные силы жандармской полиции. В случае захвата узловых станций бастующими для наведения порядка и открытия движения по дороге предусматривалось создание боевых поездов из войск и чинов жандармской полиции, которые пробивались бы к узловым пунктам, арестовывая и обезоруживая рабочие дружины, а где нужно – принимая насильственные меры для возобновления железнодорожного движения.

При локальных забастовках в одной какой-либо мастерской, службе и т. п. жандармам необходимо было, узнав причину забастовки, взять на себя посредничество между бастующими и железнодорожным руководством и путем переговоров и воздействия на обе стороны склонить бастующих к восстановлению работ, а лиц, подстрекающих к забастовке, подвергнуть задержанию и передать в распоряжение общей полиции.

Таким образом, руководством Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции при поддержке на законодательном уровне была разработана система мер по предупреждению и пресечению железнодорожных забастовок. Надо отметить, что она способствовала уменьшению забастовочного движения на железных дорогах и нормальному функционированию железнодорожного транспорта.

УДК 341.111.52+340.12

В.И. Павлов

ЭНЕРГИЙНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ «ПРАВОВОГО ЧЕЛОВЕКА», ИЛИ КАК ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УСМОТРЕНИЕ В ПРАВЕ

В настоящее время тема субъекта права является одной из актуальнейших тем правоведения. В классической общетеоретической юриспруденции как таковая эта тема отсутствует, поскольку эпистемологическая юридическая линия «дореволюционное – советское – постсоветское» основывалась на идее новоевропейской рациональности, полагавшей человека в качестве рационального субъекта (декартовское «*cogito ergo sum*»). Человек в праве в эпоху Нового времени был редуцирован в «субъект права» и методологически выстроен в линии исследовательской традиции «сущность – субстанция – субъект». Человек стал разумной машиной. Таким он и вошел в мировой юридический дискурс XVII–XVIII вв.

На наших землях правовая традиция, ориентированная на такой тип осмысления человека в праве, укрепилась достаточно рано. Этому способствовали как тесные контакты с западноевропейской мыслью, так и отсутствие на литовских землях цельной духовной традиции. Последнее обстоятельство принципиально не позволяло (по крайней мере, элите) воспроизводить личностное (а значит и социальное) конституирование и сквозной тип государственно-правовой идентичности. Личностно-социальное же конституирование и сохранение государственно-правовой идентичности, осуществление которых возможно только на основе устойчивых онтологических (в то время однозначно духовных) стратегий, в экзистенциальном плане только и могут противостоять забвению реального жизненного мира со стороны искусственной реальности, создаваемой юридическими артефактами наподобие субъекта права. Российское юридическое мышление, хотя также было пропитано западноевропейскими установками о субъекте права, тем не менее, параллельно удерживало образ живого человека в праве. Этому способствовало сохранение так или иначе восточно-христианской духовной традиции, оказывающей влияние на российскую культурную традицию (вспомним знаменитую Оптину пустынь – места паломничества В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Л.Н. Толстого и др.). Яркими примерами попыток выстраивания образа живого «правового человека» являются работы В.С. Соловьева, Н.М. Трубецкого, И.А. Ильина и др. Сегодня этот опыт активно осваивается.

Во второй половине XX в. в западной гуманитаристике произошел так называемый антропологический поворот, причина которого – неспособность науки понимать человека таким, каков он есть. Образ субъекта права, созданный в Новое время, перестал соответствовать правовой реальности. Что есть человек в праве? Из каких ресурсов он действует? Каким образом можно адекватно понять правовое поведение человека? Самое главное – как в дальнейшем, опираясь на какие основания, поддерживать правовой порядок и нужно ли это делать вообще? Вот только малый перечень вопросов, который поставила неклассическая правовая мысль. С открытием Ж. Бодрийяром феномена общества потребления, с активным привнесением в правовую жизнь глобализационных тенденций, с принципиальной переориентацией социального мышления и жизненных стратегий на потребление симулякров (информации, рекламы, технологий, инноваций и пр.) этот вопрос стал в два раза острее. Симулятизация социального пространства, выражающаяся в перенесении акцента со смыслового поля на знаковое и отрыв последнего от смысла, проникла и в государственно-правовую область. Это выразилось в кризисе классических концепций демократии, гражданского общества, прав человека и др. Симулятизация социальных отношений вызвала и соответствующую потребность в их аналогичном юридическом оформлении. Законодательство стало галопировать, порождать симулятивные структуры, под сомнением оказался сам концепт «воля законодателя». Сегодня вопрос смысла закона является едва ли не самым актуальным (хотя нередко большее внимание сегодня уделяется информационным технологиям в праве, правовой инновации и т.п.). Он, в свою очередь, связан с вопросами раскрытия правового смысла, конструирования юридического знака и рядом других положений. Отчасти эти вопросы входят в тему усмотрения в праве. В отличие от идей школы свободного права XVIII–XIX вв., которая обосновала концепцию оценочных понятий, сегодня проблема усмотрения связывается с принципиально иными вещами, рожденными постсовременностью. Прежде всего это касается самого человека в праве, поскольку интеллектуальное событие «смерти субъекта» ставит вопрос о том, кто, как и из каких ресурсов будет создавать и воспринимать право.

Описанные проблемы начиная со второй половины XX в. и до наших дней в рамках неклассической традиции решаются по-разному. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм содержат в основном лишь негативные программы,